ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 2 | 2025. Volume 18. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Фразеологический феномен и перипетии семантики: структурная устойчивость и смысловая непрозрачность (на материале русского и французского языков)

Седых А. П., Пронина Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики процесса фразеологизации с учетом структурно-семантических категорий «устойчивость» и «непрозрачность» на материале русского и французского языков. Научная новизна работы состоит в построении универсальной лингвосемиологической модели описания фразеологических сращений для уточнения понятийного аппарата и более четкого семантического структурирования терминосистемы фразеологических дисциплин, теории языка и теории коммуникации. Центральным моментом исследования является отношение к языку как к открытой активно развивающейся системе семиотических опор и ориентиров, направленных на оптимизацию фразеологической коммуникации с другими индивидами, которая не может осуществляться без привлечения эмоций, памяти, дополнительных когнитивных усилий, воли и воображения. Важным элементом представляется структурно-семантический подход к анализу синтаксической устойчивости и семантической непрозрачности фразеологических единиц в русле интерпретативно-семиологического подхода. Полученные данные делают возможным выявление ряда важных механизмов фразеологического нарратива, ведущих к диалогичности и синергии между представителями различных наук и дисциплин, необходимых для конструирования и реализации моделей адекватной эмпатической коммуникации, связанной с динамикой развития взаимодействия лингвосемиотических и лингвокультурных параметров речевого акта, на путях создания новой метафразеологической аксиологии как в теории, так и в практике не только частных фразеологий, но и общего языкознания.

EN

Phraseological phenomenon and twists and turns of semantics: Structural stability and semantic opacity (based on the Russian and French languages)

A. P. Sedykh, E. V. Pronina

Abstract. The aim of the study is to identify the specifics of the phraseologization process taking into account the structural and semantic categories of “stability” and “opacity” based on the material of the Russian and French languages. The scientific novelty of the work consists in constructing a universal linguo-semiological model for describing phraseological fusions to clarify the conceptual apparatus and more clearly semantic structuring the terminology of phraseological disciplines, language theory and communication theory. The central point of the study is the attitude to language as an open, actively developing system of semiotic supports and guidelines aimed at optimizing phraseological communication with other individuals, which cannot be carried out without involving emotions, memory, additional cognitive efforts, will and imagination. An important element is the structural and semantic approach to the analysis of syntactic stability and semantic opacity of phraseological units in the mainstream of the interpretative and semiological approach. The obtained data make it possible to identify a number of important mechanisms of phraseological narrative, leading to dialogicity and synergy between representatives of various sciences and disciplines, necessary for the construction and implementation of models of adequate empathic communication associated with the dynamics of the development of interaction of linguo-semiotic and linguocultural parameters of the speech act, on the path to creating a new metaphraseological axiology both in theory and in practice, not only of particular phraseologies, but also of general linguistics.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250111

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Актуальность работы видится в необходимости повышения роли синергетического взаимодействия фразеологии и лингвосемиологии в плане эпистемологической необходимости создания новой фразеологической аксиологии на путях артикуляции аутентичных оценок и решений для реализации возможностей эффективного роста индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание метафразеологических основ для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей с целью осуществления успешного трансдисциплинарного взаимодействия.

Поиски фразеологических основ семиозиса соотносятся с понятиями значения и смысла, которые повседневный дискурс имеет тенденцию спонтанно усваивать, тем не менее лежат в основе различных импликаций, о чем свидетельствуют многочисленные подходы (лингвистические, семантические, семиотические, психоаналитические), а также концептуальные противоречия, которые они часто вызывают на уровне терминологического аппарата. Исследования фразеологического нарратива не составляют исключения: если традиционная лингвистика оперирует такими базовыми единицами, как фонема, морфема, предложение, то метафразеология конструирует собственный язык для формирования и постоянного обновления критического аппарата для аутентичной рефлексии, анализа и оценки эмпирического материала.

В общие задачи исследования входят:

– структурно-семантический анализ фразеологических конструкций в русском и французском языках;

– выявление уровневой специфики семантической прозрачности и непрозрачности фразеологических единств;

– подготовка элементов эпистемологической базы для уточнения проектных механизмов анализа фразеологического высказывания в рамках метадискурсной текстологии.

Фразеология как раздел науки о языке интегрирует в себе понятия, заимствованные из различных областей гуманитаристики: общего языкознания (означаемое, означающее, язык, речь, дискурс), грамматики (синтаксис, высказывание), риторики и стилистики (персонификация, метафора, метонимия, структурная перестройка, семантическое смещение), лексикологии (заимствование, этимологический анализ), литературного анализа (анализ и интерпретация дискурса) и когнитологии (когнитивные аспекты, концепт) (Седых, Бондарева, 2018).

При этом фразеологический дискурс обладает своим терминологическим аппаратом, не всегда единогласно признаваемым специалистами в данной области (фразема, фразеосхема, коллокация, идиоматизм), который перманентно обогащается новыми терминами (Алефиренко, Перехватова, 2011; Clas, 2015). Ключевые эпистемологические моменты исследования включают в себя: а) акцент на междисциплинарности и многомерности термина «фразеологизм»; б) верное понимание информативного и смыслового содержания фразеологизма в контексте его вербализации; в) построение модели семиозиса устойчивых оборотов в рамках метафразеологического дискурса.

Лингвистика, фразеология и метафразеологический дискурс – понятия взаимосвязанные. Лингвосемиологическое моделирование метафразеологического дискурса – это также реконструкция метадискурса с точки зрения способов фразеологизации реальности, к которой относится тот или иной дискурс. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Андреева, 2020; Карасик, 1999; Рикёр, 2004; Pruvost, 2000; 2005; 2014; Седых, Акимова, Безкоровайная, 2014).

Авторы в своих изысканиях опираются на теоретико-практический и практико-ориентированный подходы, основанные на концептуализации фразеологического значения не только «как информационной утилиты, но и наделенной функциями, направленными на удовлетворение насущных потребностей реципиента дискурсных данных через адекватное восприятие лингвосемиотического потенциала *означающих*» (Dubois, Cance, 2012, p. 35).

Означающие, участвующие в семиозисе фразеологизированного высказывания, понимаются как «операциональные виртуальные единицы, которые актуализируются при помощи интенсификации креативной активности субъекта, схватывая искомый номинант в любой нужной точке траектории операционального хронотопа, который качественно преобразуется под воздействием селективных модальных особенностей фразеологического мышления и дискурса» (Goodwin, 2000, p. 1501).

Наряду с теоретико-эмпирическим материалом лингвистического и фразеологического толка в исследовании также были использованы данные следующих пособий и словарей:

- Седых А. П., Куган Е. И., Коч К. И., Останина А. В. Лингвокультурология и перевод фразеологических единиц: русский и французский языки: учебно-методическое пособие. Белгород: Эпицентр, 2024.
- Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород, 2021.
- Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2006.
- Guiraud P. Les Locutions françaises. P.: PUF, 1973.
- Merle P. L'Argus des mots. P.: L'Archipel, 1997.
- Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.
- Rey A. Dictionnaire historique de la langue française en trois volumes (Édition numérique). P.: Le Robert, 2011.
- Rey A. Mode et société, encadré culturel // Dictionnaire culturel en langue française: en 4 vol. / sous la dir. de A. Rey; dir. éd. D. Morvan. P.: Le Robert, 2005. Vol. 3.
- Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Le Robert, 1990.

Фразеологизм как поликодовое и многофункциональное явление обладает большим потенциалом эпистемологического развертывания, что отражается в работах лингвистов-фразеологов, социолингвистов, теоретиков философии языка, психолингвистов (Виноградов, 1977; Карасик, 1999, 2004; Morin, 2006; Rastier, 2009; Identités sociales..., 2009; Rey, 2020).

Теоретические положения работы опираются на следующие концепции исследователей и направлений: фразеологии и идиоматики (Варбот, 2019; Золотых, 2000; Телия, 2006; Guiraud, 1973; Pruvost, 2014), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), металексикографии и лексикультуры (Pruvost, 2005; Rey, 2011).

Значимость теоретических построений исследования видится в дальнейшей разработке лингвосемиологического подхода к изучению фразеологического дискурса, с интегрированием дополнительных синергетических параметров метадискурсного и трансдискурсного аспекта гуманитаристики.

Результаты анализа источников современных концепций позволяют говорить о подтверждении научных положений фразеологии, теории языка, дискурсологии и лингвосемиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории лингвосемиологического моделирования, в частности идиоматической картины мира и нового терминологического аппарата метафразеологии.

Методы исследования включают в себя структурно-семантический и лингвосемиологический анализ устойчивых оборотов (для понимания и верной интерпретации процессов репрезентации смысловых компонентов связанного высказывания), а также выделение потенциальных метадискурсных признаков семиозиса и фразеологической коммуникации (в рамках обнаружения механизмов формирования фразеологического значения у свободных словосочетаний) с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для обозначения и акцептации моделей метафразеологической активности.

Практическая значимость: результаты исследования найдут применение в процессе преподавания фразеологии и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей гуманитарных вузов и научно-преподавательского состава классических университетов.

Обсуждение и результаты

Общепризнано, что одной из основных характеристик языков, по крайней мере индоевропейских, является произвольное сочетание слов между собой по определенным синтаксическим и семантическим правилам. Теоретически данная возможность лексической сочетаемости представляется бесконечной и открытой, поскольку предложения обладают в среде носителей языка высокой степенью релевантности при условии соблюдения этих правил в процессе коммуникации. Говорящие же, или субъекты речи, «обладают» усвоенной грамматикой, даже если они не обязательно осознают ее. При этом в действительности парадоксальным образом количество синтактико-семантических коллокаций зависит от эмпирико-когнитивного опыта и уровня «лингвистических» знаний коммуникантов, и поэтому комбинаторные возможности используемых в речи языковых единиц являются ограниченными.

В противовес свободной дистрибуции слов существует явление лексикализации, которое является «результатом фиксированной синтагматики, рассматриваемой в некотором роде как “инородное тело”, поскольку оно включает в себя языковые автоматизмы, которые “навязывают” себя, так как являются порождением структурной жесткости и устойчивости» (Guiraud, 1973, p. 6). С этой точки зрения легко понять, почему в общепринятом мнении живой или подвижный синтаксис оценивается как регулярный по сравнению с фиксированным синтаксисом, который иначе имел бы исключительный характер. Действительно, устойчивые обороты предстают как отдельные языковые единицы как с морфосинтаксической точки зрения (возможное наличие архаизмов и отсутствие детерминантов, отказ от обычных возможностей комбинирования и трансформации), так и с семантической точки зрения, поскольку «устойчивое выражение образует единицу, значение которой автономно и глобально, так как форманты словосочетания не обновляются по отдельности, а иногда их первоначальное значение полностью стирается» (Clas, 2015, p. 301).

Хотя именно эти характеристики сохраняются для фиксированной синтагматики, обилие устойчивых словосочетаний в большинство языков ставит под сомнение ее статус как маргинального явления: достаточно обратиться к словарным статьям, прочитать текст близкого содержания или провести конверс-анализ обыденной речи, чтобы осознать весь масштаб фразеологических явлений. В этой связи развитие корпусной лингвистики позволяет сделать акцент на количественных показателях фразеологии: «почти 200 000 сложных существительных, комбинаторика которых не является свободной, около 15 000 прилагательных и не менее 30 000 фиксированных глаголов», – утверждает Г. Гросс (Gross, 1997, p. 202).

Бесспорное присутствие фиксированных единиц в языках мира тем не менее затрудняет предоставление им статуса полноправных лексических фактов. Многие исследования были посвящены феномену языковой устойчивости и получили особое развитие во второй половине XX века, и их авторы разделились на тех, кто называет фразеологию самостоятельной дисциплиной (Gonzalez Rey, 2002, p. 14), и тех, кто просто классифицирует ее как лексикологическое явление (Picoche, 2010, p. 37). В любом случае целесообразность включения фразеологизмов в состав лингвистического анализа в настоящее время больше не нуждается в доказательствах.

Характеристики устойчивых оборотов речи

Фразеология занимается изучением полилексических единиц языка, образующих фиксированные лексикализованные сочетания, составные элементы которых по отдельности как правило не актуализируются, или в противовес устойчивым оборотам речи проявляют дифференцированные свойства семантики в свободных словосочетаниях.

Многие фразеологические единицы (далее – ФЕ) имеют регулярную структуру и прозрачную семантику, например:

русский язык: *вбивать себе в голову*, *до глубины души*, *идти на дно*, *наступить на любимую мозоль*, *распахнуть душу*;

французский язык (здесь и далее перевод с французского языка на русский выполнен автором статьи. – *А. С.*): *prendre ses désirs pour des réalités* (принимать желаемое за действительное), *un coupe-papier* (нож для резки бумаги), *avant-hier* (позавчера), *de longue date* (долгосрочный), *coups et blessures* (телесные повреждения), *être au bout de ses peines* (букв. 'быть в конце своих мучений'), *faire faillite* (обанкротиться) и др.

Рассмотрим ряд причин «приобретения» составными языковыми элементами специфических характеристик, которые так часто приписываются им в составе ФЕ в противовес их функционированию внутри свободных сочетаний.

Речь не идет ни о синтаксисе, ни о смысловых конфигурациях, а предпочтительно о механизмах устойчивой структурно-семантической фиксации. Однако даже если бы указанное явление представляло собой всего лишь один из критериев, маркирующих исключение из правил, то этот критерий был бы очень слабым, поскольку «фразеологических сращений» и «единств» (по терминологии В. В. Виноградова), как упоминалось выше, в языке великое множество (Виноградов, 1977, с. 145). Верно и то, что фразеологический ряд состоит из разнородных элементов, которые трудно классифицировать, но которые тем не менее могут быть выявлены как минимум по трем основным признакам: *полилексичности*, *синтаксической и семантической фиксации*, *повторяемости*.

Вместе с тем существует множество дополнительных характеристик, способствующих дифференциации ФЕ, связанных со структурой и значением, а именно:

- **синтаксическая нормативность:**

рус. *рубить с плеча*, *заставить страдать*, *морочить голову*;

фр. *mener la danse* (править бал), *ne vivre que de ses bras* (питаться плодами рук своих), *faire venir l'eau à la bouche* (слюнки потекли);

- **синтаксическая ненормативность:**

рус. *шагу не мочь ступить*, *приходить на ум*, *наше вам с кисточкой*;

фр. *mettre cartes sur table* (играть в открытую), *sans bourse délier* (не тратя ни копейки);

- **отклонения лексического характера:**

рус. *отколоть шутку*, *песок сыплется*, *всеми печёнками*, *разувать глаза*;

фр. *avoir maille à partir avec qqn* (не поделиться с кем-либо), *sur ces entrefaites* (в промежутках между), *sans coup férir* (без единого выстрела), *porter qqn aux nues* (превозносить кого-либо до небес);

- **семантическая коллокативность** (референциальная или прямая номинация):

рус. *бряцать оружием*, *появиться на свет*, *рвать на части*;

фр. *tenter sa chance* (рискнуть), *prendre ses désirs pour des réalités* (принять свои желания за реальность), *être au bout de ses peines* (преодолеть свои проблемы), *faire faillite* (обанкротиться);

- **семантическая кумулятивность**, которая может быть мотивированной:

рус. *играть в молчанку*, *ни нашим*, *ни вашим*, *родиться в сорочке*;

фр. *couper la poire en deux* (разрезать грушу на двоих), *avoir avalé sa langue* (проглотить язык);

- **частичная смысловая непрозрачность:**

рус. *дать прикурить*, *дело табак*, *дубина стоеросовая*;

фр. *clé anglaise* (английский ключ), *fait divers* (происшествия), *se ranger des voitures* (букв. 'поставить машины в гараж' = присмиреть), *tomber en rideau* (букв. 'упасть как занавес' = сломаться, испортиться);

- **полная смысловая непрозрачность:**

рус. *накрыться медным тазом*, *быть нечистым на руку*, *словно аршин проглотить*, *свести концы с концами*, *вести разгульный образ жизни*;

фр. *prendre une veste* (букв. 'взять пиджак' = потерпеть неудачу, фиаско), *faire danser l'anse du panier* (букв. 'заставлять плясать ручку корзины' = обсчитывать хозяев при закупке провизии), *avoir avalé sa canne* (букв. 'проглотить трость' = быть чопорным, напыщенным), *tirer le diable par la queue* (букв. 'дергать дьявола за хвост' = терпеть лишения, нужду), *faire les quatre cents coups* (букв. 'наносить четыреста ударов' = вести разгульный образ жизни).

Все эти случаи семантической некомпозиционности (несоставности) приводят в лучшем случае к инференциальной (логической) или чаще к косвенной репрезентации обозначаемых реалий. Семантические факторы интересуют нас в большей степени, учитывая избранную тему статьи. В соответствии с вышеупомянутыми признаками, их можно разделить на четыре категории.

В составных речениях важен буквальный смысл формантов, когда общий смысл ФЕ выводится из суммы индивидуальных значений ее компонентов. Так, совершенно прозрачны для нативных носителей языка такие коллокации, как рус. *в порядке вещей*, *быть на мели*, *набираться сил*; фр. *un coupe-papier* (резак для бумаги), *être au bout de ses peines* (разобраться со своими проблемами), *faire faillite* (обанкротиться).

Образные или мотивированные фразеологизмы, с другой стороны, могут охватывать несколько стилистических регистров, в которых осуществляется метафоризация свободных словосочетаний современного языка (фр. *couper la poire en deux* = разрезать грушу на две части, *mettre de l'eau dans son vin* = разбавить вино) или устаревших речений (рус. *не потратив ни копейки*; фр. *sans bourse délier*). Также представляется продуктивным феномен иконичности, актуализируемый в русле создания гиперболического образа (фр. *jeter le bébé avec l'eau du bain* = выплеснуть ребенка вместе с водой, *souffrir mille morts* = пережить тысячу смертей; рус. *это не конец света*, *вонзить нож в сердце*) или на базе эвфемистических трансформаций (рус. *испустить последний вздох*; фр. *rendre son dernier soupir*). Как видим, общий смысл ФЕ не эквивалентен сумме отдельных значений формантов. При этом между тремя компонентами: комбинацией слов, их семантическим наполнением и создаваемым образом – улавливается ассоциативная связь. Чаще всего речь идет о символических оборотах, которые придают речи метафорическую окраску и которые способен достаточно легко понять даже иноязычный коммуникант, если знаком со значением слов, формирующих фразеологизм.

В отличие от только что рассмотренных примеров, где аналогия может быть различима, в непрозрачных устойчивых сращениях мотивация не воспринимается, поскольку она стерта или никогда не существовала. Следовательно, смысл фразеологического речения никоим образом не может быть выявлен на основе словарных значений составляющих его компонентов.

Мы различаем два типа *семантической непрозрачности*: *частичная непрозрачность* и *полная непрозрачность*.

Частичная непрозрачность – это фрагментарная смысловая непроницаемость, при которой один или несколько элементов ФЕ «помогают» смысловому декодированию устойчивых речений. При этом сопутствующие фразеологические форманты в определенной мере «паразитируют» на латентной семантике ключевых единиц, в рамках которой реципиент фразеологизма способен к восприятию его семантико-смысловой парадигмы. Примерами непрозрачности данного типа во французском языке являются фраземы: гаечный ключ, новостной сюжет, остановка на обочине, падение в занавеску, подлое поведение; *se ranger des voitures* (букв. 'поставить машины в гараж' = присмиреть), *tomber en rideau* (букв. 'упасть как занавес' = сломаться, испортиться), *être vache* (букв. 'быть коровой' = вести себя подло, некрасиво; быть вредоносным), *clé anglaise* (английский ключ). В русском языке к частично непрозрачным можно отнести следующие ФЕ: *дать березовой каши*, *куда ноги несут*, *кто в лес, кто по дрова*.

На наш взгляд, между буквальным значением каждого из приведенных выше выражений и его смысловым эквивалентом просматривается общий парадигматический абрис, некая инвариантная матрица предсказуемого толкования (Седых, Чижова, Акимова, 2024). Данная матрица предсказуемости смысла обладает фрагментарными признаками визуальности, что часто позволяет модифицировать частично непрозрачные ФЕ, способствуя формированию *парафрастических вариантов*: рус. *дать березовой каши = крепко высечь*, *куда ноги несут = куда глаза глядят*, *кто в лес, кто по дрова = кто во что горазд*; фр. *tomber en rideau* (букв. 'упасть как занавес' = сломаться, испортиться) = *tomber en panne*, *se ranger des voitures* (букв. 'поставить машины в гараж') = *mener une vie rangée* (вести размеренную жизнь), *clé anglaise* (английский ключ) = *clé à mâchoires mobiles* (букв. 'ключ с подвижными челюстями').

Полная семантическая непрозрачность обладает более жесткой структурно-семантической непроницаемостью, поскольку не предполагает никакой связи между компонентами ФЕ и общим выводным смыслом. Никакая логика не может быть выявлена, исходя из «внутренней формы фраземы» (Седых, Марабини, 2021, с. 115), которая конструируется на базе семантических несоответствий:

Русский язык:

с ромашками на голове (плохо соображать, быть очень старым), *поставить кеды в угол* (помереть), *бес в ребро* (волокита, бабник, о пожилом человеке), *любить до березки* (до самой смерти), *филькина грамота* (пустой, ничего не значащий документ), *о двух головах* (неосмотрительно смелый, не боящийся смерти), *голова садовая* (несообразительный человек, разиня), *перемывать косточки* (злословить).

Французский язык:

casser du sucre sur le dos de qqn (букв. 'крошить сахар на спину кому-л.' = перемывать косточки в отсутствие кого-л.), *avoir un poil dans la main* (букв. 'иметь волос в руке' = быть ленивым), *croquer le marmot* (букв. 'сгрызть фигурку на дверном молотке' = долго и напрасно ждать), *cordon bleu* (букв. 'голубая лента, шнурок' = искусный, выдающийся повар), *faire des gorges chaudes sur qqch* (букв. 'делать теплые горла' = открыто насмехаться, издеваться), *reprendre du poil de la bête* (букв. 'снова взять волос зверя' = пойти на поправку, набраться сил; взять реванш), *tirer le diable par la queue* (букв. 'тянуть черта за хвост' = горе мыкать), *prendre une veste* (букв. 'взять пиджак, куртку' = потерпеть неудачу).

Итак, существуют общепринятые устойчивые выражения, объяснение которых остается загадочным для обычных пользователей, поскольку ни компоненты, ни придаваемое им значение не позволяют уловить какую-либо связь между означаемым и означающим фразеологической формулы. Так, в случае полной непрозрачности не прослеживается никакой связи между: фр. *надеванием пиджака* и его реальным значением «потерпеть неудачу», *волосом зверя* и «реваншем», *волосом в руке* и «ленью»; рус. *ромашками* и «старостью», *Филькой* и «бесполезной бумажкой», *березкой* и «смертью». Как указано выше, частичная непрозрачность выступает более податливой для смысловой расшифровки и создает ложное подобие легкости, поскольку в лексикализованной единице обнаруживаются аттрактивные элементы, «дающие инструкции» по декодированию смысла. Отметим, что второстепенные языковые единицы, находясь под воздействием общей синтаксической и контекстуальной среды, по сути дела, «существуют» за счет ключевых слов ФЕ.

Чтобы найти объяснение феномену непрозрачности ФЕ, следует обратиться к научным исследованиям, которые учитывают диахронический масштаб языка. По этому поводу французские филологи Рей и Шантро делают следующее примечательное заявление: «Выбор критериев, включающий систему сравнений, которым предается культура, может быть странным и, по-видимому, произвольным. Так, образное выражение *être vache* (букв. ‘быть коровой’), что для Флобера в XIX веке *означало быть вялым*, *дряблым*, в двадцатом столетии странным образом превращается в выражение “быть подлецом и злодеем”» (Rey, Chantreau, 1990, p. 7).

Как видим, приведенный выше пример диахронически раскрывает истоки частичной непрозрачности благодаря тому, что первый элемент ФЕ глагол *être* (быть), который должен был бы дать ориентацию на качество характера человека, по существу «обесценивается» намеком на домашнее животное, представляя корову в соответствии с типологией и традициями национального бестиария Франции. Интуитивно носитель французского языка без усилий переносит свои культурологические знания на расшифровку одного из номинантов животного мира и «добирается» до реального смысла фразеологизма. Однако следует отметить, что интуиция не всегда выступает надежным механизмом декодирования, так что, например, для иноязычного субъекта речи, который, не запомнив точного смысла указанного устойчивого оборота, не сможет уловить его реальный смысл, в отличие от случаев семантической мотивации, в рамках которой почти любой ФЕ легко поддается расшифровке как нативными, так и инокультурными носителями языка.

К феномену непрозрачности можно отнести, например, фразеологические конструкции французской лингвокультуры типа *parler français comme une vache espagnole* (букв. ‘говорить по-французски как испанская корова’ = очень плохо говорить по-французски) или *fier comme un pou* (букв. ‘гордый как вошь’ = страшно гордый). Для того, кто сталкивается с подобными ФЕ впервые, даже если сравниваемые элементы могут быть относительно прозрачными, компаративные конструкции будут интерпретироваться в соответствии с традицией бестиария собственной культуры или согласно общепринятому представлению о том или ином животном. По мнению ряда исследователей, «близко живущие люди, так же как и приграничные государства, имеют противоречивые (часто конфликтные) отношения со своими соседями, что часто порождает неточности в интерпретациях того или иного высказывания и приводит к рискам, которые это влечет за собой, и к ложному пониманию» (Rey, 2020, p. 25). Вот почему эти выражения можно классифицировать лишь как частично непрозрачные. Так, из выражения *fier comme de petits bancs* (букв. ‘гордый как маленькие скамейки’), которое является просторечной деформацией ФЕ *fier comme Artaban* (букв. ‘гордый как Артабан’ = чрезмерно гордый), не представляется возможным логически или интуитивно вывести иного значения, кроме значения «гордый». Сомнительно также, что лексемы «маленькие скамейки» наведут на мысль о степени высокой гордости за что-либо.

Семантическая типология и концепт

Составление семантической классификации оказывается весьма познавательной задачей, если проанализировать различные фразеологические секвенции, вербализующие конкретное понятие. Рассмотрим фразеологические вербализации концепта «умереть» с целью выявления степени прозрачности формантов ФЕ.

Если фразеологические конструкции являются составными коллокациями, то смысл воспринимается буквально, другими словами, общее значение ФЕ эквивалентно сумме составляющих значений. Поэтому «доступ» к концепту, обозначенному полилексическим знаком, прямой: рус. *уйти из жизни*, *закончить свои дни*, *отойти от мира сего*; фр. *achever de vivre*, *achever ses jours*, *être mort et enterré*.

Случаи образных ФЕ показывают, что общее значение не эквивалентно сумме отдельных значений, но ассоциативная связь сохраняется посредством формантов, связанных с семантическим полем «смерти» и результирующими образами: рус. *отдать Богу душу*, *испустить последний вздох*, *заснуть последним сном*, *сойти в гроб*; фр. *rendre l’âme*, *rendre le dernier soupir*, *dormir de son dernier sommeil*, *descendre au cercueil*.

Как видим, семантические категории очерчивают траекторию для интерпретации, которая идет от прямого или буквального значения к переносному, непрозрачность которого принимает наивысшую степень отклонения (бифуркации), проходя через мотивированное содержание, где можно выявить причинно-следственную связь между формой и смысловыми конфигурациями. Такая связь может быть выражена не словами, а образами, передаваемыми ФЕ: рус. *дать дуба*, *склеить ласты*, *сыграть в ящик*, *отбросить коньки*, *откинуть копыта*, *почить в бозе*, *отправиться в елисейские поля*; фр. *mettre les volets à la boutique* (букв. ‘опустить ставни в лавке’), *laisser ses guêtres quelque part* (букв. ‘оставить где-то свои гетры’), *lâcher la rampe* (букв. ‘отпустить перила’), *éteindre son gaz* (букв. ‘выключить газ’), *dépoter son géranium* (букв. ‘вынуть герань из горшка’), *tourner le coin* (букв. ‘повернуть за угол’) (Merle, 1997, p. 55-60).

В последних случаях доступ к референту менее прямой, но все же ощутим через связь между понятием «смерть» и результирующим образом, при помощи которого передается культурная символика. Даже если возникает вопрос, почему в той или иной фразеосеквенции используется одно значение, а не другое, постфактум среднестатистический говорящий способен уловить мотивацию фразеологического знака.

Что касается непрозрачных ФЕ, то здесь также существует градация от частичной непрозрачности до полной непрозрачности. В случае частично непрозрачных устойчивых выражений связь между выражением и вербализуемым концептом восстанавливается посредством процедуры анализа, основанного на поиске парадигматического коэффициента непрозрачности, иными словами – соотношения частей и целого. Так, например, во фразеологизме *frapper au monument* (букв. ‘постучать в памятник’ = умереть) значение «стук в памятник» отсылает к мысли «стука в дверь» (*frapper à la porte*) и «военного мемориала» (*monument aux morts*), но для доступа

к концепции смерти ни одно из слов не является по-настоящему ориентирующим, как в случаях, основанных на мотивации на базе лексического или понятийного поля. Таким образом, отсутствие декодирующего вектора может привести к когнитивной блокировке пользователя-реципиента, который «вынужден хранить в памяти полилексическую единицу вместе с ее значением так же, как он это делает с базовыми единицами словарного запаса» (Pruvost, 2014, p. 17-18).

Что касается полной непрозрачности, то связь между означающим и означаемым установить тем более невозможно, поскольку «пользователь оказывается беспомощным в получении доступа к значению» (Pruvost, 2014, p. 17-18). Непрозрачные форманты как правило не поддаются концептуальному анализу и, следовательно, кажется, противоречат «интуитивному функционированию смысла» (Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022, p. 23). Здесь общий смысл не только не равен сумме отдельных значений, но и нарушает правила не только классической, но и символической логики, основанной на законе тождества, сформулированном еще Аристотелем (2019). В этом плане следующие ФЕ, живописно репрезентирующие концепт «смерть», являют собой речения не только с высоким коэффициентом непрозрачности, но и обладают интенсивным эмотивным зарядом: рус. *откинуть копыта (тапочки, хвост)*, *дать дуба*, *сыграть в ящик*, *склеить ласты*, *надеть деревянный бушлат*, *уйти налево*; фр. *casser sa pipe* (букв. ‘сломать свою трубку’), *avaler son bulletin de naissance* (букв. ‘проглотить свидетельство о рождении’), *bouffer les pissenlits par la racine* (букв. ‘есть одуванчики, начиная с корня’), *dévisser son billard* (букв. ‘демонтировать свой бильярд’), *passer l’arme à gauche* (букв. ‘переместить ружье налево’).

Очевидно, что на первый взгляд в вышеприведенных коллокациях нет возможности обнаружить какую-либо мотивацию или проецируемый более или менее точный смысловой образ в пространство вербализуемого концепта. Однако нельзя исключать, что некоторые субъекты речи все-таки смогут обнаружить мотивы, которые не распознаются другими, и поэтому ФЕ оказывается непрозрачной только для большинства других реципиентов. Эти различия в восприятии можно, в частности, выявить между обычным носителем языка и знатоком истории языка, этимологии и лингвокультуры. Вот почему такие выражения, как «склеить ласты» или «переместить ружье налево», могут оказаться для эксперта-филолога более или менее мотивированными речениями.

Более того, даже если изначально каждый языковой знак произволен, сформированное слово перестает быть таковым благодаря новому устойчивому соположению терминов. Так, если, например, в русском языке термины *горе* и *помощник* по отдельности произвольны, то общее значение сложного слова *горе-помощник* обусловлено индивидуальным значением двух компонентов. Аналогично, прочтение выражения во французском языке *lâcher la rampe* (букв. ‘отпустить перила’) обусловлено существованием выражения *tenir la rampe* (букв. ‘держаться за перила’), что означает «жить, быть в добром здравии». Пользователь языка интуитивно следует аналитической процедуре декодирования, будь то родной или иностранный язык. Столкнувшись с неизвестным термином, простым или сложным, он обязательно приступает к семантическому «расчету», основанному на сложении сем. В результате субъект речи реагирует на произвольность знаков, постоянно стремясь придать им смысл, мотивировать их, пытаясь постичь логику вещей, связывая неизвестное с известным, локализованным в привычном ему мире, даже если декодирующее усилие означает установление ложных связей. Именно таким способом вносится вклад в создание «народных этимологий» (Варбот, 2003, с. 49).

Факторы мотивации

В мотивированных ФЕ значение выводится путем редукции произвольности знаков и интерпретируется в соответствии с семантическим зарядом формантов и результирующим образом. Связь между выражением и концептом может быть восстановлена посредством использования одного или нескольких терминов, относящихся к рассматриваемой понятийной области: так, идея много плакать может быть выражена посредством плача фр. *à chaudes larmes* (букв. ‘горячими слезами’; *cf.* рус. *плакать горючими слезами*). Такая же связь может возникнуть при интерпретации образа «плач»: рус. *плакать в три ручья*; фр. *pleurer comme une fontaine* (букв. ‘плакать как фонтан’). Другими красноречивыми образами являются, например, рус. *вешать лапшу на уши*, *держать хвост пистолетом*, *питаться диким медом*, *вилами по воде писано*; фр. *faire tache d’huile* (букв. ‘распространяться как масляное пятно’), *peigner la girafe* (букв. ‘расчесывать жирафа’), *mettre de l’eau dans son vin* (букв. ‘разбавлять вино водой’), *se noyer dans un verre d’eau* (букв. ‘утонуть в стакане воды’). Даже если эти группы ФЕ не содержат ни одного термина, связанного с обозначаемым ими понятием, их можно легко расшифровать посредством аналогичной когнитивной операции сближения между действием, описанным буквально, и смыслом, вытекающим из устойчивого выражения.

Трудности понимания возрастают, если метафоризация начинает стираться, особенно по диахроническим причинам. В результате пользователь может продемонстрировать свою «некомпетентность» в расшифровке смысла из значений формообразующих элементов или образов. Недопонимание может быть связано с незнанием этимологии слов или древних национально-культурных обычаев, что, конечно, не каждому под силу.

В любом случае, применение семантического подхода к анализу ФЕ возможно только при опоре на точное знание. Сложность понимания возрастает, когда эти ФЕ содержат архаичную лексику или устаревшую синтаксическую конструкцию. При этом, как только это препятствие устраняется у пользователя в ходе металингвистической рефлексии, ФЕ вновь обретают свою мотивацию, которая изначально присутствовала на диахроническом уровне.

Непрозрачность смысла как семантическое исключение

Если мы рассматриваем исключение как факт, который находится за пределами общих и распространенных явлений, то семантическую непрозрачность ряда ФЕ можно обозначить как исключение из композиционного

единства (составности) и смысловой прозрачности означаемого. В этой плоскости непрозрачные устойчивые выражения могут трактоваться как исключительные по двум критериям.

1. С точки зрения *количественных параметров*

Такие конструкции встречаются реже, чем те ФЕ, которые толкуются через буквальное значение, и особенно те, которые интерпретируются на основе переносного значения. Действительно, например, в отношении сложных существительных Жан Прюво утверждает, что на «основании проведенных подсчетов случаи непрозрачного значения немногочисленны» (Pruvost, 2014, p. 11), а по мнению Алена Рея, наиболее распространенными являются фиксированные последовательности элементов ФЕ с переносным значением (Rey, 2011). Вот почему непрозрачные коллокации традиционно классифицируются как спорадические и периферийные.

2. Через призму *качественных характеристик*

При интерпретации подобных ФЕ их анализ выходит за рамки обычных дедуктивных механизмов выводного суждения и их сингулярные смыслы требуют простого запоминания. Данные речения воспринимаются как нелогичные из-за отсутствия явной связи между означающим и означаемым, поскольку в целом они снова становятся демотивированными, пройдя предварительную историческую стадию мотивации.

Следует отметить, что непрозрачные ФЕ вновь обретают свою произвольность, «забыв» о своих истоках. Языковой знак произволен, пока он рассматривается изолированно. Однако его использование в составе слов или в построении предложений подчиняется законам морфосинтаксической и семантической зависимости, налагаемой единицами его ближайшего окружения. В результате специфической контекстуальной процедуры семиозиса фразеологизированный знак вбирает в себя признаки мотивированности. Как ключевой элемент структуры, он подвергается воздействию семантики не только сопутствующих знаков, но и любых коннотационных модификаций на уровне целого фразеологического единства. При этом благодаря семантическому дрейфу в рамках диахронии причина появления ФЕ с течением времени «стирается», что в конечном итоге приводит к демотивации внутренней формы устойчивого словосочетания.

Рассмотрим три причины семантической непрозрачности, к которым мы относим *феномен гапакса*, *семантическую эволюцию слов* и *семантическую эволюцию образности* ФЕ.

Гапаксы

Первый случай непрозрачности обнаруживается в устойчивых выражениях, в состав которых входят слова, не используемые за пределами фразеологических единств, например, во французском языке это слова *guise*, *nues*, *maille*, *fur*, *férir*, входящие во ФЕ: *en* ***guise*** *de* (в качестве чего-д.), *agir à sa* ***guise*** (действовать по своему усмотрению), *porter qqn/qqch aux* ***nues*** (превозносить кого-либо/что-либо до небес), *tomber des* ***nues*** (с неба свалиться), *avoir* ***maille*** *à partir* (не поделить чего-л., с кем-л.), *au* ***fur*** *et à mesure* (по мере того, как), *sans coup* ***férir*** (не нанося удара). В русском языке к гапаксам можно отнести следующие выделенные термины, входящие в состав ФЕ: *не* ***зги*** *не видно*, *по* ***сусекам*** *поскрести*, ***собаку съесть***. Все эти речения сохраняют свой смысл только целиком, но не по частям (Варбот, 2015; 2019).

Эти лексемы, в терминах Жана Прюво, «окаменевшие, склеротичные внутри устойчивых словосочетаний и являются остатками древнего лексикона и выживают только благодаря им» (Pruvost, 2000, p. 23). Их исключительный характер очевиден как с точки зрения минимальной частотности употребления в речи, так и с точки зрения смыслового контура, поскольку их остаточный характер не позволяет им развиваться, как это происходит с любым другим знаком.

Понятие гапакса, введенное еще Г. Полем в 1880 году как явление «изоляции или не-эволюции, лишает термины содержания и обрекает их на семантическую смерть» (Цит. по: Rey, 2005, p. 35). Взятые по отдельности, вышеприведенные гапаксы не имеют возможности для дополнительных вариантов вербализации, поскольку их референта больше не существует. Как указывает Ален Рей, это «элементы, которые исчезли как функциональные лексемы» (Rey, 2011, p. 99). Таким образом, аналитический «захват» блокируется на уровне пользователя, который не может адекватно интерпретировать смысл ФЕ (Guillaume, 1982). Поэтому остается только сохранить их в памяти вместе с соответствующим смысловым наполнением.

Семантическая эволюция формантов

Второй тип непрозрачности имеет место, когда форманты отклоняются от исходного значения, которое привело к созданию «застывшего» образа. Например, что касается французской ФЕ *croquer le marmot* (букв. ‘сгрызть фигурку на дверном молотке’ = долго и напрасно ждать), то многочисленные толкования, представленные лингвистами, наглядно демонстрируют отсутствие единого мнения о происхождении фразеологизма (Guiraud, 1973; Pruvost, 2014; Rey, 2011). Для современного француза, не знакомого с этимологическими словарями, представляется затруднительным «угадать» точный смысл упомянутого выражения, так как, опираясь на буквальный смысл формантов, данный фразеологизм может быть истолкован как минимум трояко благодаря актуальным значениям ключевого слова ***marmot*** (мальчишка; уст. ‘забавная фигурка на дверном молотке, мартышка’): *croquer le marmot* = сгрызть фигурку на дверном молотке, покусать мальчишку, съесть обезьяну. В связи с этим предлагаемые дефиниции этого фразеологизма разнятся в словарях авторитетных лексикографов (Седых, Куган, Коч и др., 2024).

Мы считаем, что к наиболее приемлемому определению можно отнести дефиницию Пьера Гиро: «…ждать перед дверью, нетерпеливо стуча в дверной молоток» (Guiraud, 1973, p. 37), причем значение «стучать», приписываемое глаголу *croquer* (современное значение: грызть, хрустеть), является наиболее распространенным в XVI веке. Что касается термина *marmot*, то его значение является предметом самых разных толкований, начиная от значения маленьких человечков, рисуемых на стенах несчастными художниками, которые должны

были ждать аудиенции в прихожих меценатов, до наименования небольшой фигурки, служащей орнаментом и ассоциируемой с речением *claquer des mâchoires* (щелкать челюстями). На подобную семантическую близость также указывают такие выражения, как *claquer*, *battre le marmot* в значении «щелкать зубами». Как можно видеть в данном случае, сингулярность ФЕ проистекает из того факта, что механизмы эволюции слов иногда приводят к непредсказуемой семантике, стирая всякую нить между периодами эволюции терминов; отсюда и трудности в восстановлении связей, поскольку «означающие, оторванные от своего исходного значения, действуют подспудно сами по себе» (Rey, Chantreau, 1990, p. 13).

Семантическая эволюция образности

Другие исключительные случаи касаются непрозрачности образных составляющих знака, содержащих функциональные элементы, которые, хотя и являются совершенно правильными с точки зрения синтаксиса и семантической совместимости терминов, представляют собой явное несоответствие по своему значению полилексическим знакам. В этом смысле можно пойти дальше и отметить, что герметичность, свойственная устойчивым фразеологическим конструкциям, по-видимому, является залогом успешности их лингвокультурной трансляции. К примерам подобных речений можно отнести, в частности, ФЕ негативной аксиологии, направленные в адрес кого-либо, как то: рус. *откуда у тебя руки растут*, *сколько же у тебя тараканов в голове*; фр. *avoir les abeilles* (букв. ‘иметь пчел в голове’ = злиться, раздражаться), *pousser mémère dans les orties* (букв. ‘толкать бабушку в крапиву’ = перегибать палку, преувеличивать). Каждая языковая культура обладает своим кодом для образного шифрования, управляющим формированием непрозрачного содержания ФЕ. Это особенно очевидно для иностранцев, которые сталкиваются с ним впервые, или для носителей языка, которые проводят его металингвистический анализ. Смысловая труднодоступность указанных выше образных ФЕ является таковой для тех, кто задается вопросом о связи между полилексическим знаком и фактом обозначения качественных характеристик личности, если, конечно, не обращаться к специализированному словарю.

Здесь необходимо провести большую работу по восстановлению значения, аналогичную работе по поиску этимологии слов, которая таит в себе множество лингвокультурных ловушек для толкования. Следовательно, семантическое исключение базируется на разрыве между означающим и означаемым фразеологизма, а значит, между планом выражения и планом содержания.

Согласно концепции Шарля Балли, «образное выражение, как и любая языковая единица, подчиняется действию семантических законов; с того момента, как образ создан, он движется в сторону абстракции, то есть стремится лишиться тех самых характеристик, которые делают его образом» (Bally, 1951, p. 190). Согласно принципу организации полисем, кинетика слов, как показала Жаклин Пикош, идет «от раннего (неопределенного, абстрактного значения), проходя через позднее (конкретное, точное значение), к полному (полной семе); обратный процесс называется субдукцией. Этот принцип, примененный к изображениям, показывает, что они тоже развиваются, но в противоположном направлении» (Picoche, 2010, p. 47).

В момент создания новые образы являются полноправными носителями «тотальных смыслов», постепенно становясь всё более семиотически насыщенными, так как образные ФЕ изначально обладают «исконной чувственностью и выразительностью» (Merle, 1997, p. 235). Но под налетом времени они редуцируют способность «создавать картину, говорить с чувствами, “впадая” в абстракцию, а значит, и в демотивацию» (Merle, 1997, p. 235). Именно поэтому они частично теряют свой аффективный заряд, а часто и интеллектуальную силу воздействия, и обретают способность повторно мотивироваться посредством ассоциации идей в языковом мышлении реципиента ФЕ. Под влиянием тенденции к ремотивации они также первыми подвергаются пролиферации смыслов, тем самым на новых основаниях реинтегрируясь в группу мотивированных коллокаций.

Так, по мнению французских лингвистов, выражение *joli à croquer* (букв. ‘так красив, что хочется съесть; красив, так бы и съел’ = очень красивый; прелесть!) «подверглось явлению ложной мотивации, поскольку оно ошибочно мотивировано при помощи образа, основанного на неточном понимании слов, в частности глагола *croquer* (первоначально: достойный быть нарисованным; в настоящее время: достойный быть съеденным)» (Guiraud, 1973, p. 18). Подобной семантической эволюции подвергся и ФЕ *en avoir ras le bol* (букв. ‘иметь чашку, заполненную до краев’ = в печенках сидеть), который, по мнению Алена Рея, произошел от «непристойной метафоры», но в настоящее время понимается как вариант выражения *la coupe est pleine* (букв. ‘бокал полон’), а иногда и как эквивалент коллокации *pardessus la tête* (выше головы; выше крыши) (Rey, 2005, p. 51).

Вышеприведенные структурно-семантические трансформации отражают активные процессы во фразеологической эволюции большинства индоевропейских языков. Данные явления выступают залогом поступательного креативного развития любой национальной языковой системы, поддерживая ее структурную устойчивость и лингвосемиотическую выживаемость при помощи создания нетривиальных форматов существования лингвокультурного пространства.

Заключение

Итак, семантическое исключение, определяемое как дифференцированный формат языкового существования без жестких правил сочетаемости, присутствует в фиксированных фразеологических конструкциях данного языка благодаря сингулярным характеристикам составных элементов.

В отличие от критериев, которые обычно определяют исключительность в языке (неправильное синтаксическое использование, невыводимый семантический расчет, низкие индексы присутствия слов или структур

в языковой системе и частотности в речи), фразеологическая эксклюзивность заключается в зазоре, существующем между большим количеством ФЕ в языке и отсутствием семантической прозрачности, демонстрируемой некоторыми из них. На самом деле парадокс возникает из-за того, что обычный пользователь национального языка автоматически и в достаточно большом количестве использует устойчивые выражения. При этом, если они семантически непрозрачны, их аналитический смысл не «доходит» до него никаким образом, ни путем разложения слов, ни посредством лингвистической интуиции, и еще меньше – путем этимологической дедукции.

В действительности, исключение, которое несут в себе подобные коллокации, проявляется в зависимости от степени семантической непрозрачности, которую они содержат. Итак, мы выделяем частично непрозрачные обороты (рус. *ни зги не видно*; фр. *clé anglaise*) и полностью непрозрачные выражения (рус. *по сусекам поскрести*; фр. *cordon bleu*). В ситуации анализа пользователь оказывается в тупике, поскольку не может восстановить четкую логическую связь между знаком и передаваемым им концептом. Более того, данный феномен ясно показывает, какой степени абстракции достигла зафиксированная в его сознании устойчивая языковая единица, поскольку он не может поступить иначе, чем только запомнить как формальную структуру, так и значение ФЕ. Лишенное всякой мотивации выражение снова становится произвольным, как, впрочем, и отдельные слова, его составляющие.

Вместе с тем вмешательство языкового пользователя может «включить» ремотивацию посредством тропной манипуляции, в частности метафорической или метонимической трансформации (рус. *старый как Мафусаил → помнит похороны Сталина → старый пень*) или по принципу семантической эволюции слов (фр. *à croquer → à manger = нарисовать → съесть*). Парадоксальность фразеологических конструкций состоит еще и в том, что чем выше коэффициент их семантической непрозрачности, тем выше процент эмотивности и степень перлокутивного эффекта на реципиента ФЕ.

Таким образом, уникальность устойчивых ФЕ проистекает не из того, что они рассматриваются как реалии, выходящие за рамки общих правил, а скорее из того, что они являются фреквенталиями, управляемыми особыми правилами парадигматической сочетаемости. Что касается исключительной природы непрозрачных выражений, то они составляют периферийную группу, члены которой «устойчивы» к интуитивному пониманию реального смысла, поэтому их восприятие влечет за собой дополнительные когнитивные усилия. Пользователю, как правило, остается только автоматически запомнить устойчивое выражение и «предписанный» ему протокольный смысл.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении эпистемологической и эмпирической базы анализа фразеологических единств за счет внедрения инновационных подходов и моделей в рамках контрастивного подхода к изучению феномена семантической прозрачности и непрозрачности. Предполагается рассмотреть функционирование устойчивых оборотов, осложненных речевыми отклонениями в рамках конверс-анализа в языках различной степени дистантности.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф., Перехватова Е. И. Фразеосемиозис в свете когнитивно-прагматической теории текста // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). Вып. 11.
2. Андреева М. И. Специфика значения фразеологизма: контекстологический подход (на примере фразеологизма ‘field day’) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 5. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.53
3. Аристотель. Метафизика. М.: АСТ, 2019.
4. Варбот Ж. Ж. Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции (г. Екатеринбург, 9-13 сентября 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019.
5. Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов (г. Любляна, 15-21 августа 2003 г.): доклады российской делегации. М.: Наука, 2003.
6. Варбот Ж. Ж. Уже не гапаксы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III международной научной конференции (г. Екатеринбург, 7-11 сентября 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015.
7. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
8. Золотых Л. Г. Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи: автореф. дисс. … к. филол. н. Волгоград, 2000.
9. Карасик В. И. Коммуникативно-прагматические функции фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: тезисы докладов международной конференции (г. Волгоград, 28-29 сентября 1999 г.). Волгоград: Перемена, 1999.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
12. Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровайная Г. Т. Лингвокультуремы, межкультурный трансфер и транскультурное моделирование (на материале русского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. https://doi.org/10.30853/phil20240014

13. Седых А. П., Бондарева М. М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1 (83). https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.33
14. Седых А. П., Чижова А. О., Акимова Э. Н. «Оговорки» в лингвистике и психоанализе: структура, семантика и дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 12. https://doi.org/10.30853/phil20240649
15. Bally Ch. Traité de stylistique française. Genève – P.: Librairie Georg & Cie; Librairie C. Klinksieck, 1951.
16. Clas A. Langue, langage et les étonnantes locutions, expressions et phrasèmes du français, et leurs correspondants en anglais et en allemand // Meta. 2015. Vol. 60. No. 2. https://doi.org/10.7202/1032859ar
17. Dubois D. S., Cance C. Vers une sémiotique du sensible: des couleurs en discours et en pratiques // Histoire Epistémologie Langage. 2012. No. 34 (1).
18. Gonzalez Rey M. I. La Phraséologie du français. Toulouse: PUM, 2002.
19. Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32.
20. Gross G. Du bon usage de la notion de locution // La Locution, entre langue et usages / coord. par M. Martins-Baltar. Lyon: ENS Editions, 1997.
21. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957 / éd. par G. Plante. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
22. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
23. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
24. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
25. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
26. Picoche J. Structures sémantiques du lexique français. P.: Éditions Vigdor, 2010.
27. Pruvost J. Dictionnaires et nouvelles technologies. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.
28. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. No. 137.
29. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
30. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
31. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович[1], д. филол. н., проф.
Пронина Елена Вячеславовна[2]
[1] Московский международный университет;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
[2] Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh[1], Dr
Elena Vyacheslavovna Pronina[2]
[1] Moscow International University;
Belgorod National Research University
[2] Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
the Ministry of Foreign Affairs of Russia

[1] *sedykh@bsu.edu.ru,* [2] *e.v.pronina@inno.mgimo.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.01.2025; опубликовано online (published online): 26.02.2025.

Ключевые слова (keywords): устойчивый оборот; коллокация; фразео-семиология; метафразеологический дискурс; семиозис фразеологического высказывания; set phrase; collocation; phraseological semiology; metaphraseological discourse; semiosis of a phraseological statement.